

— Вот это да, это точно пёс? А не медведь, что с гор спустился?

Собака, которую Хо Лин звал «Здоровяк», до того резвилась у ворот дома Чжоу, лая и заставляя в ответ скулить всех собак в округе. Но едва услышала свист, как сразу сорвалась с места и примчалась к хозяину, виляя хвостом и ожидая приказа.

Сваха Чжао, увидев такую махину, отшатнулась сразу на несколько шагов.

— Стоит, как человек! А если на задние лапы встанет, то и выше ростом будет!

Столько лет она работала свахой, а чтобы кто-то на смотрины с собакой приходил — видела впервые. И что ж теперь удивляться, что он до сих пор холост?

А вот Янь Ци несколько не испугался. Он даже присел, чтобы получше разглядеть пса, дал тому обнюхать себя со всех сторон, не шелохнувшись. Сваха только и ахала, наблюдая за ними.

— Спина широкая, уши стоят, хвост грубой, шерсть чёрная, четыре лапы белые, — гер внимательно осмотрел собаку, и, видимо, загоревшись, поднял лицо к Хо Лину и сказал: — Отец мой говорил: «Четыре белые ступни — по снегу будто идёт, где прошёл — там зверю не жить». Такие охотничьи псы один на сотню. Если не от своей собаки щенок, то, наверное, куплен за большую цену.

Хо Лин удивился: не ожидал, что у гера такой точный глаз, да ещё и охотничьи присказки в голове водятся. Он поднял руку, сложив пальцы в знак — обозначил, сколько стоила собака.

— А ты как думаешь, стоила того?

— Стоила, — без колебаний ответил Янь Ци. — У меня на родине за такие деньги такую собаку не купишь. Надо ещё добрую треть сверху накинуть, тогда, может, и получится.

Хо Лин заметно повеселел. Черты лица разгладились, в глазах появились одобрение и невысказанное удовлетворение, будто встретил родственную душу, кто оценил по-настоящему. Ведь в своё время брат чуть ноги ему не переломал, узнав, что он выменял на щенка целый корень дикого женьшеня, который на ярмарке мог уйти за десяток лян.

А если подумать... если бы и правда проводить дни с этим человеком... вроде бы и не так уж плохо звучит.

— Я Хо Лин. В семье второй сын. Не охотник. Промышляю в Байлуншане, там, где горы, леса, зверьё. Горы кормят, вот и живу за их счёт.

Он слегка кивнул, давая знак Янь Ци подняться, а сам указал вдаль, туда, где в горизонте

синели горы, вытянувшиеся грядой. На вершинах вечно лежал снег, белая шапка покрывала их круглый год. Они тянулись далеко, насколько хватало взгляда, и пересекали уезд Чанлин, изгибаясь в форме спины дракона. Потому и назывались Байлун, Белый Дракон.

Янь Ци не мог оторваться от гор, стоял, словно заворожённый. Он с детства не был особенно разговорчивым, да и от природы был замкнут, но сейчас, сам того не замечая, шёл за голосом мужчины, отвечал на вопросы, будто весь остальной мир вокруг исчез.

— Как тебя зовут? — спросил Хо Лин.

— Янь Ци.

Хо Лин про себя повторил это имя - два иероглифа, простых, чистых. В деревне большинство людей и пары иероглифов по бумаге не напишет, так что объяснять написание смысла не было, достаточно было знать, как произносится.

— Знаю, что ты осиротел, — тихо сказал Хо Лин. — Я сам давно потерял родителей. Но именно потому... мы, кто остался, должны жить хорошо, чтоб те, кто ушёл, могли спокойно смотреть на нас с небес.

Янь Ци, услышав это, вдруг ощутил, как глаза наполняются жаром. Он опустил взгляд, поднял рукав и вытер лицо. Но слёзы не останавливались. Он вытирал их снова и снова, пока оба рукава не намочили насквозь. Только тогда, всхлипнув, он наконец успокоился и, выдохнув глубоко и протяжно, почувствовал, как в голове становится ясно, будто тяжёлое что-то, давно застрявшее внутри, наконец вышло наружу.

И тогда он услышал, как Хо Лин спрашивает:

— Хочешь... выйти замуж?

Янь Ци кивнул.

— Хочу.

Хо Лин чуть повернул голову, опустил глаза и внимательно взгляделся в лицо этого худого, усталого, но только что впервые ожившего гера. Он не знал, можно ли назвать это судьбой, как говорят, но понимал одно: вот сейчас, в эту минуту человек перед ним ему по сердцу. И хотя бы на первый взгляд точно не промах.

А ещё... они оба любят собак. А значит, после свадьбы хоть будет, о чём говорить, не придётся сидеть друг против друга, хлопая глазами в молчании.

— Если хочешь быть моим фуланом, — сказал Хо Лин, — тогда придётся вместе со мной идти в горы. Там и тигры, и волки, и длинные змеи. Уходишь, и либо десять дней, либо полмесяца, а то и целый месяц не возвращаешься. Ты не боишься?

Янь Ци наконец поднял взгляд. Он впервые прямо посмотрел в лицо Хо Лина. Тот смотрел на него серьёзно, без насмешки, без фальши. В груди что-то дрогнуло: неужели этот человек и правда хочет взять его в супруги?

Рядом, в паре шагов, стояла огромная чёрная собака, царственная, как горный зверь. Нос её вздрагивал на ветру. Янь Ци знал: хочет он или нет, его не спросят. Вопрос о замужестве не он решает.

Но если уж выбирать, и выбирать можно...

Если выбирать из всех, и это будет именно этот мужчина...

Он ответил твёрдо, без колебаний:

— Я не боюсь.

Хо Лин, услышав эти слова, не стал терять времени, ни лишних слов, ни сомнений. Он развернулся, посмотрел на сваху Чжао и сказал:

— Побеспокою уважаемую сваху, будьте свидетелем. Я выбираю его.

— Отлично, отлично! — воскликнула сваха Чжао, вся расцветая от радости. — Вот теперь я и вправду совершила доброе дело, прямо заслуга в карму!

Чжоу Чэнцзу тоже был доволен: расплылся в улыбке, велел жене и невестке пригласить сваху в дом, угостить чаем, а сам, выслушав Хо Лина, тут же согласился одолжить воловью повозку, чтобы съездить в деревню Маэр к доктору. Он быстро крикнул сыну запрягать и подготовить телегу.

— Правильно, так и надо, — сказал он. — Мало ли что, лучше показать, не то маленькая болезнь в большую обернётся.

Повозку подогнали скоро. Хо Лин принял у брата кошель с серебром и сунул за пазуху. Когда он обернулся, гер всё ещё стоял у колёс, глядел на высокую повозку и никак не мог на неё забраться. Тогда Хо Лин протянул руку, чтобы помочь.

Ещё каких-то несколько мгновений назад они и не знали друг друга, и в другой раз он бы, конечно, не посмел вот так публично касаться гера. Но теперь они уже почти супруги, можно

было не таиться.

Однако гер отдернул локоть и тихо сказал:

— Я... грязный.

Одежда на нём давно утратила всякий цвет, волосы спутались в жгуты, руки чёрные от пыли. Что уж говорить о дороге беженца, последние дни он и вовсе ходил как в тумане, даже до ручья дойти, чтоб умыться или волосы пригладить, сил не было. И теперь, опустив взгляд, он и сам стеснялся, не решаясь позволить коснуться себя.

Хо Лин и слушать не стал: раскрыл ладонь, ухватил гера так же легко, как цыплёнка, и вскинул его на повозку.

— Ни к чему здесь лишние церемонии!

Янь Ци ощутил под ногами пустоту и, придя в себя, увидел, что уже сидит наверху, крепко обхватив колени руками. Хо Лин глянул, убедился, что тот держится, и, махнув рукой брату с невесткой на прощанье, щёлкнул вожжами и погнал повозку вперёд.

Доктор по прозвищу Ма Ху-цзы (Усы) был в округе единственным, кто лечил и травами, и словом. Настоящее его имя было Ма Байли, но так его мало кто называл. Уж слишком бросались в глаза его усики: тонкие, кривоватые, смешные, за них-то его и прозвали, и старики, и дети в округе иначе его не величали.

Когда они прибыли, тот стоял во дворе с засученными рукавами, резал коренья и сушёные травы большим ножом. Увидел, что Хо Лин поддерживает на руках гера, едва державшегося на ногах, сразу отбросил нож и скомандовал:

— Кто тут больной? Быстро в дом, на лавку клади!

— Мой супруг, — ответил Хо Лин без обиняков. — Прошу вас, поглядите. Лоб так раскалился, что яичницу на нём пожарить можно.

Эти слова так поразили Ма Ху-цзы, что его тонкие усики дрогнули, а глаза округлились, словно медные колокольчики.

— Да откуда у тебя вдруг супруг?

— Сегодня и появился, — невозмутимо ответил Хо Лин.

В западной комнате дома стояла простая лежанка из деревянных досок, предназначенная для больных. На неё был постелен тонкий ватный тюфяк и застелена соломенная циновка, чтобы удобнее было менять и держать в чистоте.

Янь Ци лёг на спину. Болезнь словно захлестнула его, дыхание было горячим, обжигало губы и пальцы.

Ма Ху-цзы, вымыв руки, подошёл и тщательно осмотрел больного: раздвинул веки, ощупал пульс, возился долго, и лишь затем опустился на табурет.

— Недуг острый, — заключил он, — но привели его вовремя, серьёзного нет. Нужно лишь сбить жар, лекарство справится. Однако организм у этого гера сильно истощён, без долгого восстановления и подпитки снадобьями не обойтись.

По одному виду врач уже догадался, кто перед ним. В последние месяцы в их деревню приходило немало переселенцев: и стар, и млад, и женщины, и геры, и мужчины — все как на подбор худые, измождённые, кожа да кости. Жалко было смотреть.

— Что нужно, то и прописывайте, — сказал Хо Лин твёрдо. — Не скупитесь и не экономьте мне серебра.

Хо Лин снова уточнил:

— Скажите, ему в таком состоянии женьшень не нужен?

Самым ценным лесным даром в горах Байлуншань, вне всяких сомнений, считался дикий женьшень, который местные называли «банчуй». В зависимости от возраста корня ему присваивались разные наименования. Считалось, что по-настоящему целебной силой он наделяется лишь тогда, когда ему исполняется не менее тридцати лет; такой женьшень носил особое название — «дэнтайцзы». Из-за крайне медленного роста дикий женьшень попадался невероятно редко, даже Хо Лин, бывалый охотник за дарами гор, круглый год живущий среди лесов, за весь сезон мог встретить не больше пары таких случаев, когда корень действительно можно было выкопать. Из всех добытых им корней, если не считать того, что был обменян на щенка Здоровяка, остальные были именно «дэнтайцзы». Два он продал, а один оставил дома на крайний случай.

Ма Ху-цзы решительно замахал рукой и покачал головой:

— До этого ещё далеко. Его тело истощено и слабо, такой человек не примет сильного тонизирующего средства. Слышал ли ты поговорку «при крайней слабости не укрепляй»? Женьшень тут совершенно ни к чему, он и вовсе не по болезни.

Про себя же врач отметил: этот парень из семьи Хо удивительно щедр, готов ради больного

супруга и такой редкий корень отдать. Говорят, кто избежал большой беды, тому судьба хранит благополучие. Пожалуй, именно так и предначертано этому геру.

Ма Ху-цзы, не останавливаясь, быстро закончил запись рецепта и ушёл в соседнюю комнату отмерять лекарственные травы. Позднее он взял иглы и сделал прокол за ухом Янь Ци, выпустив немного густой, тёмной крови, оставившей тонкий след на коже.

Пришли они ещё до полудня, но жар отступил лишь к вечеру, когда небо уже заволочла синь сумерек. Тогда Ма Ху-цзы, наконец, облегчённо выдохнул и разрешил Хо Лину увезти больного домой. Янь Ци весь вспотел; жена лекаря вскипятила воду, смочила полотняную тряпицу и обтерла его. Стало заметно легче, шаги сделались твёрже, без прежней слабости.

— Три дня принимай лекарство, — наставлял врач, — потом снова приходи на осмотр. Всё это время ешь лёгкое, легкоусвояемое, береги себя от ветра и простуды.

Хо Лин молча снял с себя верхнюю куртку и накинул на плечи Янь Ци. Теперь на нём самом осталась только тонкая рубаша. Янь Ци в смятении прижал к себе слишком просторную одежду и поспешно запротестовал:

— Мне не нужно... возьми обратно.

— Разве ты не слышал, что сказал лекарь? — мягко возразил Хо Лин. — Тебе нужно беречься и не простужаться.

Он слегка повёл плечами и добавил с лёгкой усмешкой:

— А мне и так жарко, я не мёрзну.

Они ведь ещё почти не знали друг друга, а Янь Ци всё ещё терзался неловкостью: столько денег на его лечение потратил Хо Лин, а теперь ещё и одежду с себя снял. Теперь же, услышав такие слова, он и вовсе не нашёл способа вернуть одежду, и лишь молча, смиряясь, натянул её на себя.

Хо Лин скользнул взглядом: худой гер утонул в его просторной куртке, воротник обрамлял лишь крохотное лицо; длинные рукава волочатся до земли, будто для сцены из пьесы, а посреди лба — яркая точка родинки, та самая «отметина геров», знак плодовитости.

В груди Хо Лина поднялось странное, доселе неведомое чувство. Он прислушался к нему, обдумал и понял: должно быть, именно таково ощущение, когда рядом свой собственный супруг. Отныне этот человек - его спутник, его фулан, его половина, с которой предстоит делить одно ложе.

□.....

Когда они вернулись в деревню Сяошань, небо уже совсем потемнело. Волы остановились у ворот дома Хо, и Янь Ци, прыгнув с телеги, на мгновение задержался, взглядываясь в освещённый проём ворот.

Эти строения заметно отличались от его родных землянок: здесь дома были сложены из бруса, лишь ограда возведена из утрамбованной глины, местами перемежаемой крупными камнями. В центре двора возвышался главный дом, обращённый фасадом к югу, - три смежные комнаты, над стенами тянулся высокий дымоход. По обеим сторонам двора темнели ещё по паре построек; огня там не было, и, судя по виду, то были амбары для зерна и хозяйских запасов.

Здоровяк, учуяв хозяина, первым рванул навстречу и вихрем вылетел за ворота. Вол, запряжённый в повозку, увидев пса, забеспокоился и затоптался на месте.

— В сторону, не пугай скотину, — одёрнул его Хо Лин, отгоняя вбок.

На шум вышли Хо Фэн с женой.

— Ну вот и вернулись, — с облегчением сказала Е Супин. — Твой брат уж который раз выбегал за ворота глядеть.

Окинув взглядом Янь Ци, она заметила, что на нём накинута одежда Хо Лина, и невольно подумала: похоже, между ними всё складывается неплохо.

— Что сказал лекарь? — спросила Е Супин.

Хо Лин прыгнул с телеги чуть позже, держа в руках свёрток с лекарствами. Хо Фэн поспешил взять его у брата и велел тому сперва пройти в дом поужинать, а сам отправился к дому Чжоу вернуть телегу.

— Жар уже спал, — ответил Хо Лин, — прописал три дозы снадобья. Сказал: как примет, привести снова, подобрать укрепляющие лекарства для тела.

— Вот и славно. Главное - слушаться лекаря. Геру никак нельзя запускать болезнь, — мягко заметила Е Супин, и её ровный тон заметно рассеял напряжение Янь Ци.

В этот миг в доме раздался звонкий голосок Хо Ин, она что-то кричала матери. Хо Лин обернулся к невестке:

— Старшая невестка, ступай в дом, я тут побуду. На плите ведь есть ужин?

— Есть, конечно. Для вас обоих отдельно оставила: в котле каша, в пароварке закуски, всё время подогреваю.

— Благодарю, старшая невестка, - Янь Ци, услышав, как он сказал это, тоже тихо поблагодарил, чем вызвал у Е Супин искреннюю улыбку.

— Какие уж там церемонии, — мягко сказала Е Супин. — Отныне все мы одна семья.

Особенно порадовало её то, как Янь Ци обратился к ней «старшая невестка». После полудня, пока Хо Лина не было, она с мужем не раз обсуждали, сумеют ли молодые ладить вместе. Теперь же, когда всё свершилось без традиционного сватовства и обрядов, будто чего-то недоставало. Но, услышав это обращение, она почувствовала настоящее спокойствие.

Во дворе вновь воцарилась тишина. Лишь Здоровяк, обнюхивая Янь Ци со всех сторон, не отходил от него. Для пса запах был знакомым: одежда Хо Лина, в которую был облачён гер, и память о встрече днём, потому пёс не лаял, а вёл себя уверенно.

Хо Лин наклонился, потрепал Здоровяка по голове и указал на Янь Ци:

— Теперь он тоже наша семья.

Пёс будто понял: шагнул ближе и тёплым влажным носом толкнул руку гера. Янь Ци улыбнулся и, протянув ладонь, почесал его под подбородком.

<http://bllate.org/book/13599/1205861>